

К ТИПОЛОГИИ ДРЕВНЕАРМЯНСКОЙ ИМЕННОЙ ПАРАДИГМАТИКИ: INSTR.PL*

© 2016

Владимир Александрович Плунгян^{а, б, @},
Ксения Павловна Семёнова^а

^а Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Российская Федерация; ^б Институт языкознания РАН, Москва, 119019, Российская Федерация; [@]plungian@iling-ran.ru

В статье обсуждается морфологический статус и происхождение формы творительного падежа множественного числа в древнеармянском склонении. Типологическая уникальность этой формы состоит в том, что она, во-первых, оказывается членимой в рамках древнеармянской флективной системы, представляя собой комбинацию падежного показателя с показателем множественного числа *-k'*, и, во-вторых, в том, что показатель числа занимает линейную позицию после показателя падежа (а не перед ним, как во всех стандартных агглютинативных моделях склонения). Для анализа свойств древнеармянской падежной системы вводится понятие «декумуляции»; обсуждается также гипотеза о позднейшем клитическом происхождении показателя множественного числа в составе рассматриваемой формы.

Ключевые слова: агглютинация, древнеармянский язык, кумуляция, парадигма, склонение, флексия

TOWARDS A TYPOLOGY OF CLASSICAL ARMENIAN NOMINAL PARADIGMS: INSTR.PL

Vladimir A. Plungian^{а, б, @}, Xenia P. Semionova^а

^а Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation; ^б Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russian Federation; [@]plungian@iling-ran.ru

The paper discusses the morphological status and the origin of instrumental plural form in Classical Armenian. This form is typologically unique in two ways: first, it is the only segmentable form within the flective declensional paradigms in Classical Armenian, which consists of the instrumental case marker and a separate plural marker *-k'*; second, this plural marker occupies a peculiar linear position after the case marker (and not before it, unlike in all standard agglutinative declension patterns). It is argued that the notion of “decumulation” can account for some properties of Classical Armenian declension; a hypothesis of late clitic origins of the plural marker within the form in question is also discussed.

Keywords: agglutination, Classical Armenian, cumulation, declension, flection, paradigm

I. Типологически своеобразные черты древнеармянского склонения, вообще говоря, хорошо известны и не раз обсуждались в специальной литературе. Тем не менее некоторые аспекты устройства древнеармянских парадигм, на наш взгляд, нуждаются в дополнительном осмыслении на более широком типологическом и теоретическом фоне. Ниже речь пойдет, главным образом, о проблемах, связанных с формой инструментального падежа

* Авторы глубоко признательны Ивану Игартуа, Л. И. Куликову, Грачу Мартиросяну, а также двум анонимным рецензентам за продуктивное обсуждение статьи и ценные замечания к первоначальным вариантам этой работы.

множественного числа (далее обозначается как INSTR.PL), но прежде чем перейти к их обсуждению, целесообразно кратко остановиться на специфике древнеармянской падежной системы в целом (более подробный описательный материал с соответствующим сравнительно-историческим контекстом можно найти, например, в классических работах [Meillet 1936] и [Godel 1975]; ср. также более новые очерки [de Lamberterie 1992] и [Clackson 2008]; обзор традиционной арменистической литературы см., например, в [Туманян 1971; Джаукян 1967; 1982]).

Армянское склонение, унаследованное, как считается, в основных чертах от индоевропейского состояния (ср. более подробное обсуждение, помимо указанных выше работ, также в [Kortlandt 1984/2003; 2010; Schmidt 1987; Olsen 1999; Matzinger 2005]), сохранило многие типичные свойства индоевропейских флективных парадигм (обнаруживаемые также в наиболее архаичных системах греческого, индо-иранских, итальянских, балтийских и славянских языков), с которыми соединились специфически армянские инновации, имеющие отчасти фонетические (сильная редукция конца слова), отчасти нефонетические причины (аналогическое выравнивание и контаминация словоизменительных типов).

В результате классическая древнеармянская система (в том виде, в каком она известна прежде всего по памятникам V—IX вв.) характеризуется следующими чертами:

- (i) флективный характер именного словоизменения с кумулятивным выражением граммем числа и падежа — набором «именных флексий» (о важных отклонениях от этой тенденции речь пойдет ниже);
- (ii) большое число словоизменительных типов (= типов склонения, или наборов именных флексий), причем принадлежность к определенному типу является, как правило, словарным свойством лексемы¹;
- (iii) наличие разнообразных моделей синкретизма именных флексий, как глобальных (= свойственных всем типам парадигм), так и локальных (= свойственных отдельным словоизменительным типам);
- (iv) отчетливое противопоставление именных и местоименных парадигм склонения (различающихся не только планом выражения флексий, но и набором падежных граммем²);
- (v) противопоставление «одноосновных» типов склонения «многоосновным»: в последнем случае могут различаться две, три, а у отдельных лексем и четыре основы, употребляющиеся с разными фрагментами набора именных флексий³;
- (vi) большое количество морфологически нестандартных падежных граммем, в том числе слабо автономных, морфологически несамостоятельных и слабо дифференцированных падежей (в значении, принятом в [Зализняк 1973/2002]).

¹ Отметим при этом специфическую для армянского очень раннюю утрату категории рода, что лишает разбиение на типы склонения связи с категорией «морфологического рода» [Крылов 1997/2002, Плунгян 2011: 139—140], в той или иной степени существенной для всех классических индоевропейских систем.

² Наиболее существенное различие сводится к тому, что в парадигме местоимений противопоставлены генитив и датив (ср. 1SG.GEN *im* ~ 1SG.DAT *inj* или 3SG.GEN *nora* ~ 3SG.DAT *nma*), тогда как в парадигме имен соответствующие функции во всех типах склонения выражаются одним падежом; ниже мы условно называем этот падеж «расширенным дативом» (или просто дативом, если это не приводит к двусмысленности). Аналогичное противопоставление имеется также в парадигмах нескольких имен так называемого «адъективного» *o*-склонения типа *hin* 'старый', где в единственном числе вместо ожидаемого синкретизма генитива, датива и локатива (с окончанием *-ou*) у локатива и датива обнаруживается отличное от генитива окончание *-um*.

³ Замечательным образом сами эти флексии также различаются, причем для всех многоосновных типов характерен единый набор флексий, а каждый из одноосновных типов имеет свой собственный набор флексий. В традиционных (и диахронически ориентированных) описаниях различие между одноосновными и многоосновными типами обычно трактуется как различие между склонением с основами «на тематическую гласную» и склонением с основами «на согласную» с чередованием внутри основы.

Свойства (i)—(iii) никоим образом нельзя назвать специфически армянскими, они все в той или иной степени характерны для классических индоевропейских флективных систем. С другой стороны, свойства (iv)—(vi) в большей степени характеризуют именно древнеармянскую систему. В дескриптивном плане противопоставление (v) является крайне существенным, так как именно оно фактически задает базовую классификацию древнеармянских словоизменительных типов. Заметим, что многоосновная модель склонения оказалась достаточно устойчива в ходе эволюции, сохранившись и в современных армянских языках — главным образом, как двухосновная (ср. современные восточноармянские парадигмы вида *garun-/garnan-* ‘весна’ или *hayr-/hor-* ‘отец’). Устойчивость такого типа склонения, при котором немаркированные формы «прямого» и «объектного» падежей различаются только основой, может объясняться общекавказскими ареальными тенденциями: ср. разнообразные проявления того же принципа в устройстве именных парадигм современных дагестанских языков [Кибрик 2003: 215—228, 261—268] или осетинского [Беляев 2014].

Однако с теоретической (и с типологической) точки зрения не менее важно и свойство (vi). Действительно, с одной стороны, древнеармянский язык отличается достаточно большим инвентарем падежных граммем: в нем представлена семипадежная система, включающая номинатив, аккузатив, генитив (только в местоименном и «адъективном» склонении), датив, локатив, аблатив и инструменталис. Для индоевропейского языка такой инвентарь практически максимален, так как в истории падежных систем отдельных индоевропейских языков — если исключить явные вторичные инновации типа тохарских, осетинских или старолитовских падежей позднего образования — преобладала, скорее, редукция падежного инвентаря до 4—5 граммем (в частности, утрата локатива, аблатива и инструменталиса, совпадавших в разных комбинациях друг с другом или с «главными» синтаксическими падежами; см. подробнее, например, [Kulikov 2012]). Заметим, что с диахронической точки зрения оценивать это богатство падежного инвентаря можно по-разному: либо просто постулируя особую грамматическую архаичность древнеармянского склонения в плане содержания (такова, по-видимому, наиболее традиционная точка зрения, поддержанная, в частности, А. Мейе и рядом других исследователей), либо предполагая, что сохранение и воспроизводство развитого падежного инвентаря на фоне мощных фонетических процессов разрушения конца слова вряд ли могло происходить без влияния ареальных факторов и, по крайней мере частично, является в армянском не архаизмом, а, скорее, инновацией (такова, в частности, точка зрения многих современных индоевропеистов, например Ш. де Ламбертри⁴). В поддержку последней точки зрения укажем, что в материальном отношении архаичность большинства древнеармянских флексий весьма сомнительна, а ряд падежных граммем (в частности, аблатив) бесспорно являются результатом внутриармянского развития [Godel 1975: 106; Kortlandt 1984/2003; Schmidt 1987; Matzinger 2005].

Однако при всем богатстве инвентаря падежных граммем обращает на себя внимание морфологическая нестандартность выражения большинства из них — их, если можно так выразиться, морфологическая проблематичность. Таблицы склонения древнеармянских существительных порою кажутся наглядным пособием к курсу общей морфологии, иллюстрируя буквально все возможные случаи «неканонического» поведения падежных показателей. К сожалению, этот интереснейший материал до сих пор недостаточно освоен морфологической теорией⁵; с другой стороны, описательные грамматики древнеармянского языка именно по этой причине изобилуют дискуссионными и непоследовательными решениями

⁴ Одним из первых это положение сформулировал Э. А. Макаев, ср.: «Многopaдежная система языков восточного ареала, в том числе армянского {...}, является не чем иным, как {...} инновацией, охватившей языки этого ареала» [Макаев 1967: 86]; ср. также [Туманян 1971: 12—13].

⁵ Из работ последнего времени по теоретической морфологии, целиком или в значительной степени основанных на древнеармянском материале, укажем [Halle, Vaux 1998] и [Caha 2009]; оба исследования используют формальные теории структуры слова (первое — «распределенную морфологию» Халле — Марантца, второе — «наносинтаксис» Штарке).

в отношении инвентаря падежей и статуса отдельных граммем (подробнее о теоретической стороне проблемы см., в частности, [Семёнова 2010]).

В задачи настоящей работы, разумеется, не входит подробный обзор всех теоретических аспектов описания древнеармянской падежной системы, но для лучшего понимания последующего изложения полезно кратко суммировать некоторые ключевые тезисы относительно морфологического статуса различных падежных форм.

Как уже было сказано, в древнеармянском именном словоизменении крайне мало морфологически полноценных граммем. В частности, важны следующие типы отклонений от морфологического стандарта, представленные в (1)–(3).

1) Слабо автономные падежные словоформы.

Как известно, в прототипическом случае именная словоформа, являющаяся элементом парадигмы склонения, сильно автономна — в том смысле, что она может образовывать минимальное высказывание (или, в других терминах, функционировать в качестве полноценной именной группы). Однако дело не всегда обстоит так, и случаи неавтономных (слабо автономных) падежных словоформ также засвидетельствованы. Как правило, слабая автономность падежной словоформы имеет место тогда, когда она не может функционировать в качестве минимального высказывания без некоторого дополнительного элемента в составе именной группы, присутствие которого при данной падежной граммеме является обязательным. В морфологическом плане такие дополнительные элементы обычно являются клитиками, а в грамматическом плане — предлогами или послелогоми. Слабо автономны, в частности, формы предложных падежей в современном русском языке (образующие минимальное высказывание только в составе предложной группы). Особенность древнеармянской системы состоит в том, что слабо автономных падежей в ее составе несколько, а связь падежных словоформ с предложными клитиками (или формантами) оказывается достаточно тесной, делая границу между соответствующими клитическими комплексами и полноценными словоформами не всегда очевидной (даже по сравнению с такими языками, как русский). К слабо автономным падежам в древнеармянском следует отнести аблатив и локатив, не употребляющиеся без предлогов: вопреки встречающимся утверждениям, это не только универсальный пространственный предлог *i/y-* (наиболее частотный), но и ряд других, в частности, *and* ‘с’ и *ar* ‘у’ с локативом, *z-* в значении динамического контакта (как в *схватить за...*) или темы (как в *рассказать про...*) с аблативом [Godel 1975: 27; de Lamberterie 2005]. Трактовка единиц вида *y-awur* ‘PREP-день:LOC.SG’ или *y-awrē* ‘PREP-день:ABL.SG’ как предложно-падежных клитических комплексов влечет несколько важных следствий для описания падежной системы. В частности, падежной формой (пусть и слабо автономной), т. е. элементом словоизменительной парадигмы имени, признаются сегменты типа *awur* и *awrē*, которые, в свою очередь, могут демонстрировать падежный синкретизм с другими формами парадигмы (так, *awur* в данном типе склонения совпадает с формой датива) либо его отсутствие (как в случае *awrē*). Аналогично, элементами комплексов *y-art* ‘PREP-поле:LOC.SG’ и *y-artoy* ‘PREP-поле:ABL.SG’ являются, соответственно, словоформы *art* и *artoy*, которые должны рассматриваться как синкретичные представители номинатива, аккузатива и локатива единственного числа (*art*) и датива и аблатива единственного числа (*artoy*). Никаких специализированных падежных форм локатива в парадигмах типа *awr* ‘день’ и *art* ‘поле’, равно как и никаких специализированных падежных форм аблатива в парадигмах типа *art* выделять не следует (вопреки традиционной дескриптивной практике), поскольку предложная клитика не является частью морфологических единиц, образующих словоизменительные парадигмы. При этом, подчеркнем еще раз, мы должны исходить из того, что словоизменительные парадигмы в древнеармянском включают как сильно автономные, так и слабо автономные единицы — что является нечастой, но типологически вполне хорошо засвидетельствованной возможностью.

Напротив, традиционно выделяемые формы аккузатива типа *z-awr* или *z-art* не являются даже минимальными сильно автономными словоформами, поскольку в общем случае предложная клитика *z-*, как известно, в древнеармянском не обязательна: это обычные

клитические комплексы, состоящие из предложной клитики и сильно автономной словоформы. Тем самым, словоформы *awr* и *art* в соответствующих парадигмах будут считаться синкретичными представителями нескольких словоизменительных граммем: номинатива и аккузатива единственного числа в первом случае и номинатива, аккузатива и локатива единственного числа — во втором.

2) Морфологически несамостоятельные падежные граммеы.

Другое распространенное явление в древнеармянском склонении — так называемая морфологическая несамостоятельность ряда падежных граммем. Морфологической несамостоятельностью граммеы g_i грамматической категории G в общем случае называется такой способ ее манифестации, при котором у нее нет специализированных показателей: все показатели g , синкретичны, но при этом в разных частях парадигмы (или у разных лексем) имеют место разные модели синкретизма. Иными словами, в части случаев обнаруживается синкретизм между граммеами g_i и g_j , в части случаев — между граммеами g_i и g_k и т. п. Характерным примером морфологически несамостоятельного показателя является флексия аккузатива множественного числа в современном русском языке, которая, как известно, совпадает у неодушевленных лексем с флексией номинатива, а у одушевленных — с флексией генитива множественного числа.

Свойство морфологической несамостоятельности было выделено А. А. Зализняком [1973/2002] как раз на материале падежного словоизменения, хотя морфологически несамостоятельными могут быть, вообще говоря, граммеы любой грамматической категории, ср. [Плунгян 2011: 137, 182—183]. В любом случае морфологически несамостоятельные падежные граммеы составляют важный и достаточно распространенный тип падежного синкретизма. Как показано еще А. А. Зализняком, морфологическая несамостоятельность граммеы может препятствовать ее выделению: традиционная дескриптивная практика в этом случае противоречива и часто руководствуется диахроническими и иными внешними критериями. Описания древнеармянской падежной системы не представляют в этом отношении исключения. К морфологически несамостоятельным падежным граммеам в древнеармянском относится прежде всего аккузатив: в единственном числе он совпадает с номинативом, во множественном — с локативом (напомним, что формы древнеармянского локатива являются при этом слабо автономными). Сам локатив также близок к морфологической несамостоятельности: в большинстве случаев его показатели совпадают либо с показателями датива, либо с показателями аккузатива, но в нескольких маргинальных подтипах все же выделяются специализированные показатели локатива (в единственном числе). Поэтому локатив целесообразно рассмотреть в третьей, наиболее многочисленной группе морфологически нестандартных падежей древнеармянского языка — в группе слабо дифференцированных падежей.

3) Слабо дифференцированные падежные граммеы.

Это свойство было также выделено А. А. Зализняком [1973/2002] и предполагает, что объем класса лексем, имеющих специализированные показатели данной граммеы, достаточно мал. Что касается тех лексем, у которых специализированные показатели падежной граммеы отсутствуют, то здесь следует различать два случая: либо эти лексемы вообще не образуют данной падежной формы (например, по семантическим причинам), т. е. имеют дефектную парадигму («неполный падеж», по А. А. Зализняку), либо — чаще всего — показатель соответствующей граммеы совпадает с показателем какого-либо другого падежа. Тем самым, такой случай оказывается близок к предыдущему — морфологически несамостоятельному падежу; в каком-то смысле можно говорить о тенденции к морфологической несамостоятельности, нарушаемой лишь небольшой группой лексем со специализированными показателями.

Как раз этот последний случай в высшей степени характерен для древнеармянской падежной системы. Как представляется, большое количество слабо дифференцированных падежей свойственно диахронически нестабильной системе, в которой имеются либо многочисленные реликты прежнего состояния, находящиеся на пути к исчезновению, либо,

напротив, целый ряд не полностью грамматикализованных инноваций. Можно полагать, что оба типа явлений в древнеармянской падежной системе были представлены широко, и диахроническая нестабильность была свойственна ей уже с периода первых письменных памятников.

Не будет преувеличением утверждать, что в древнеармянской падежной системе слабо дифференцированными (и/или морфологически несамостоятельными) были практически все падежи, кроме инструменталиса: это единственный падеж, которому синкретизм почти не свойствен⁶ (любопытным образом, такая же морфологическая маркированность отмечалась и для творительного падежа в славянских языках — это наблюдение было сделано еще в [Якобсон 1958/1985]). Сказанное, впрочем, не означает, что древнеармянский инструменталис является «морфологически проблемным» падежом — напротив, как мы намерены показать в оставшейся части работы, в формальном отношении это один из самых парадоксальных древнеармянских падежей.

Что касается остальных шести падежей, то всем им широко свойствен синкретизм и слабая представленность специализированных показателей.

Действительно, в парадигме единственного числа всегда совпадают номинатив и аккумулятив (у подтипов на *-o* и *-a* с ними совпадает также локатив); датив совпадает либо с аблативом (при синкретизме локатива и аккумулятива), либо с локативом. Таким образом, единственный специализированный показатель в единственном числе имеется у аблатива — но не во всех типах склонения, а лишь в многоосновных консонантных и в нескольких вокалических; в целом аблатив в парадигме единственного числа оказывается, таким образом, относительно слабо дифференцированным, а все остальные падежи (кроме инструменталиса) — морфологически несамостоятельными⁷.

Слабо дифференцированным падежом в каком-то смысле, безусловно, можно считать и древнеармянский генитив — в особенности если рассматривать склонение имен и местоимений как единую систему (хотя методологически более правильно, видимо, было бы вообще не выделять генитив в синхронном описании склонения имен, различая, в терминологии А. А. Зализняка, два грамматических разряда — базовый именной и местоименно-адъективный, постулируя для них разные наборы падежных граммем). В любом случае количество склоняемых лексем со специализированным показателем генитива единственного числа в древнеармянском не превышает трех десятков.

Что касается парадигмы множественного числа, то она характеризуется еще более последовательным и глобальным синкретизмом, чем парадигма единственного; при этом сами флексии множественного числа отличаются значительным единообразием и в гораздо меньшей степени проявляют алломорфическое варьирование. Во множественном числе систематически совпадают показатели аккумулятива и локатива (*-s*), а также показатели датива

⁶ Единственным исключением являлась небольшая группа имен, исторически характеризуемая как склонение с тематической гласной *-u-*: в этом типе склонения показатель инструменталиса *-u* в единственном числе совпадает с показателем локатива и датива. Данная падежная омонимия — позднего происхождения и возникла в результате поглощения этимологического показателя инструменталиса *-w* тематической гласной основы (*-uw* → *-u*).

⁷ Слабо дифференцированным падежом в единственном числе можно было бы признать также локатив, но его морфологическая самостоятельность минимальна даже по сравнению с аблативом: основной специализированный показатель Loc.Sg. *-oʃ* имеется всего у нескольких лексем с номинативом на *-i* типа *tari* ‘год’ (принадлежащих к так называемому смешанному *-o/-a*-склонению); однако и у этих лексем специализированные локативные формы типа *tarwoj* достаточно рано начинают использоваться и как вариант датива (наряду со стандартным *tarwoy*), так что по отношению к реальному узусу «специализированный» локатив на *-oʃ*, скорее всего, является грамматическим конструктом. Аналогичная тенденция к выделению специализированного локативного показателя отмечается и для некоторых других небольших групп: это *-i* у имен типа *beran* ‘пот’ (имеющих флексии *o*-основы в других формах) и *-um* у имен «адъективного» склонения; однако в памятниках классического периода она не реализуется последовательно.

и аблатива (-[V]с'); номинатив всегда морфологически самостоятелен (-k'; но о других возможных трактовках см. ниже).

Тем самым, в парадигме единственного числа у имен в общем случае формально различается лишь от 3 до 4 флексий (у местоимений — от 5 до 6), а в парадигме множественного числа — лишь 4 флексии (у местоимений — от 4 до 5): это в целом обеспечивает морфологическое противопоставление падежных функций, но практически исключает использование специализированных показателей. Наиболее сильно падежный синкретизм представлен в парадигмах единственного числа основ на -o и на -a: {NOM/ACC/LOC} vs. {DAT/ABL} vs. {INSTR}.

II. Итак, все древнеармянские падежные граммы, кроме инструменталиса, являются слабо дифференцированными и почти все — морфологически несамостоятельными; выделение 6- или 7-падежной системы оказывается возможным только за счет того, что в разных фрагментах словоизменительной парадигмы действуют разные модели падежного синкретизма. Специализированные показатели как в единственном, так и во множественном числе свойственны только одному древнеармянскому падежу — инструменталису. Однако здесь возникает весьма любопытный дескриптивный парадокс, так как показатель инструменталиса кажется единственным, структура которого явным образом не следует принципу флективности, т. е. обнаруживает изоморфную членимость как в плане содержания, так и в плане выражения. Действительно, если в единственном числе показатель инструменталиса имеет алломорфы -w (после гласных; после o графически выступает -v; о варианте -u см. выше) и -b (после согласных), то во множественном числе показатель инструменталиса всегда образуется единообразно: к показателю единственного числа добавляется -k'. Ср. формы INSTR.SG и INSTR.PL от лексем разных типов склонений: *gorc* 'дело' (*gorc.o.v* ~ *gorc.o.v.k'*), *ban* 'слово' (*ban.i.w* ~ *ban.i.w.k'*), *dašt* 'поле' (*dašt.a.w* ~ *dašt.a.w.k'*), *aygi* 'сад' (*ayg.ea.w* ~ *ayg.ea.w.k'*), *cov* 'море' (*cov.u* ~ *cov.u.k'*), *tun* 'дом' (*tam.b* ~ *tam.b.k'*), *awr* 'день' (*awur.b* ~ *awur.b.k'*) и т. п. Каким бы прихотливым ни было правило выбора алломорфа инструменталиса в единственном числе, форма множественного числа полностью регулярно образуется на базе формы единственного⁸.

Разумеется, этот факт уже сам по себе резко отличает словоформы INSTR.PL от всех остальных: армянскому словоизменению в целом не свойственна ни подобная членимость, ни подобная регулярность (напротив, как мы помним, его существенной особенностью является развитое алломорфическое варьирование с обилием словоизменительных типов, а также тенденция к флективному и фузионному соединению морфем). Но дело не только в том, что показатель INSTR.PL — единственный нефлективный показатель в древнеармянском склонении, и граммы падежа и числа выражаются в нем независимо; крайне существенно, что в качестве показателя множественного числа функционирует уже имеющийся в системе показатель -k', который мы находим в формах NOM.PL. Напомним, что ранее мы считали — более или менее в соответствии с традицией — этот показатель специализированным показателем номинатива во множественном числе (ср. формы NOM.PL от указанных выше лексем: *gorc.k'*, *ban.k'*, *dašt.k'*, *aygi.k'*, *cov.k'*, *tun.k'*, *awur.k'*; в отличие от парадигмы единственного числа, во множественном числе номинатив, по крайней мере на первый взгляд, не демонстрирует синкретизма). Однако функционирование показателя -k' в качестве нефлективного показателя множественности в составе форм INSTR.PL заставляет

⁸ Редким исключением из этого правила является тот случай, когда у косвенных падежей единственного и множественного числа в парадигмах используются разные основы. В такой ситуации выбор основы обычно иерархически приоритетен, но элементарная структура флексии INSTR.PL все равно сохраняется. Ср. формы INSTR.SG и INSTR.PL от многоосновных лексем типа *k'ar* 'камень' (*k'ar.i.w* ~ *k'aram.b.k'*), *erēc* 'священник' (*eric'u* ~ *eric'am.b.k'*) или *jeṛn* 'рука' (*jeṛ.b/jeṛam.b* ~ *jeṛ.a.w.k'*), *akn* 'глаз' (*akam.b* ~ *ač'a.w.k'*), хотя и здесь встречаются колебания в сторону унификации основ разных чисел [Туманян 1971: 195, 230—231].

пересмотреть эту трактовку и более внимательно проанализировать соотношение древнеармянских парадигм единственного и множественного числа в целом.

Для наглядности приведем фрагмент парадигмы склонения четырех из упоминавшихся выше лексем (не учитывая падежный синкретизм, который сейчас для нашего анализа не существует):

Таблица 1

	SG				PL			
	<i>gorc</i>	<i>ban</i>	<i>dašt</i>	<i>awr</i>	<i>gorc</i>	<i>ban</i>	<i>dašt</i>	<i>awr</i>
NOM					<i>gorc.k'</i>	<i>ban.k'</i>	<i>dašt.k'</i>	<i>awr.k'</i>
ACC	<i>gorc</i>	<i>ban</i>	<i>dašt</i>	<i>awr</i>	<i>gorc.s</i>	<i>ban.s</i>	<i>dašt.s</i>	<i>awr.s</i>
DAT	<i>gorc.oy</i>	<i>ban.i</i>	<i>dašt.i</i>	<i>awr</i>	<i>gorc.o.c'</i>	<i>ban.i.c'</i>	<i>dašt.a.c'</i>	<i>awr.c'</i>
INSTR	<i>gorc.o.v</i>	<i>ban.i.w</i>	<i>dašt.a.w</i>	<i>awr.b</i>	<i>gorc.o.v.k'</i>	<i>ban.i.w.k'</i>	<i>dašt.a.w.k'</i>	<i>awr.b.k'</i>

Как можно видеть, соотношение форм единственного и множественного числа не столь тривиально и не слишком прямолинейно вписывается в представление о полной флективности парадигм. Действительно, легко заметить, что все формы множественного числа морфологически сложнее, чем формы единственного: они всегда содержат на одну морфему больше; более того, практически все формы множественного числа могут быть получены из соответствующих форм единственного числа путем присоединения этой дополнительной морфемы. Отсюда лишь один шаг до постулирования того свойства древнеармянской именной парадигмы, которое, по-видимому, целесообразнее всего назвать «квазиагглютинацией»: мы имеем в виду очевидную выделяемость в составе именных словоформ самостоятельных показателей падежа и числа. Возможность такой выделяемости отчетливо противопоставляет (вопреки [Halle, Vaux 1998]) древнеармянское склонение «настоящим» флективным парадигмам индоевропейских языков, ср. хотя бы латинские пары вида *silv.ae* 'лес:DAT.SG' ~ *silv.īs* 'лес:DAT.PL' или русские пары вида *стен.е* ~ *стен.ам*, где соотношение флексий единственного и множественного числа явным образом эквивалентно, и эти флексии не только не демонстрируют какой-либо структурной общности, но и вообще не содержат ни одной общей фонемы.

На самом деле внимательный анализ древнеармянских именных словоформ позволяет постулировать у них достаточно сложную линейную структуру, в которой выделяются три различных посткорневых позиции; каждая из них может заполняться самостоятельной серией показателей, выражающих определенное грамматическое противопоставление; в числе таких показателей могут быть нулевые, а также несегментные (т. е. значимые чередования). Для дальнейшего описания также важно деление всех падежных граммем на «прямые» (номинатив и аккузатив), «косвенные» (датив и инструменталис) и «вторичные» (локатив и аблатив); показатели вторичных падежей либо морфологически не самостоятельны, либо образуются на базе косвенных⁹.

Можно считать, что первая позиция (ближайшая к корню) заполняется показателем основы, вторая позиция — показателем падежа, а третья — показателем числа. Формы прямых падежей всегда имеют нулевой показатель основы, основа же косвенных падежей либо имеет вокалический показатель («тематическая гласная»), либо связана с прямой основой различными сложными чередованиями (в описании которых мы здесь не будем углубляться). Следует отметить, что тематическая гласная у всех словоформ косвенных падежей не обязательно одна и та же: в древнеармянском широко распространен феномен так называемого

⁹ Последнее касается прежде всего АвЛ.СГ, показатели которого в ряде случаев присоединяются не к основе, а к форме датива/локатива, т. е. выступают не столько как аффикс, сколько как «вторичный модификатор» (что, можно полагать, отражает более позднюю грамматикализацию аблатива в составе армянской падежной системы); ср. соотношение ДАТ/ЛОС.СГ и АВЛ.СГ у таких лексем, как *tehi* 'место' (*tehw.oj* ~ *tehw.oj.ē*), *zard* 'украшение' (*zard.u* ~ *zard.u.ē*) или *hin* 'старый' (*hn.um* ~ *hn.m.ē*). Подобные случаи также иллюстрируют нарушение принципа флективности.

«смешанного склонения», предполагающего, что в разных падежных формах выбираются разные тематические гласные (по достаточно сложным правилам); в таблице 1 лексема *dašt* иллюстрирует именно этот тип парадигмы.

То, что остается после отделения показателя основы, и представляет собой с традиционной точки зрения падежно-числовую флексию. Однако мы видели, что, по крайней мере в случае инструменталиса, эта флексия явным образом представима как агглютинативный комплекс, состоящий из отдельного показателя падежа (-w/-b-) и показателя числа (нуль для единственного и -k' для множественного). Бесспорная членимость показателя INSTR.PL заставляет более внимательно взглянуть и на другие «флексии» древнеармянской именной парадигмы. Оказывается, что и эти флексии как минимум допускают альтернативный анализ, при котором можно усматривать раздельное выражение падежа и числа. Для парадигмы единственного числа это достигается достаточно легко — всего лишь постулированием нулевого выражения у граммем единственного числа и всех падежей, кроме инструменталиса; противопоставление прямых падежей и датива при этом экономно обеспечивается различием прямой и косвенной основы (что особенно отчетливо видно на примере лексем типа *awr*, где различие основ связано с чередованием). У форм типа *awur* показатели падежа и числа оказываются нулевыми даже при традиционном анализе; нужно всего лишь распространить этот анализ на формы типа *ban.i*, у которых сегментный показатель -i следует интерпретировать как показатель косвенной основы, а не как падежно-числовую флексию. При такой интерпретации иной облик приобретает и парадигма множественного числа: показатели основы сохраняются в ней точно те же, что и в единственном числе, а следовательно, оказываются правомерным и выделением тех же нулевых показателей падежей, которые присутствовали в формах единственного числа. Тем самым, «флексии» -k', -s и -c' становится возможным интерпретировать как простые показатели множественного числа — правда, у разных падежей разные. Однако это не кумулятивное выражение значений падежа и числа в одной нечленимой «мегаморфе» (если использовать известную терминологию И. А. Мельчука), а алломорфическое варьирование, при котором выбор того или иного варианта зависит от семантики смежной граммы — хотя, конечно, для разных показателей такой анализ в разной степени приемлем (в наименьшей степени для аккумулятивного -s, значение которого не дублируется никакой другой частью словоформы, особенно в парадигмах типа *awr*, где основа множественного числа совпадает с косвенной основой единственного). Как бы то ни было, «квазиагглютинативный» анализ древнеармянского склонения — по крайней мере, во многих его фрагментах¹⁰ — имеет право на существование, и тем самым флексивный характер именных парадигм в древнеармянском оказывается в существенной степени ослаблен.

Подчеркнем еще раз, что предложенный анализ поддерживается прежде всего существованием в системе склонения форм INSTR.PL с их отчетливой трехаффиксной структурой. Распространение этой структуры на остальные словоформы оказывается вполне допустимым — хотя, конечно, и не единственным — способом их интерпретации. Возникает вопрос, насколько такой анализ (в синхронном плане возможный как чисто теоретическая альтернатива традиционному, ср. сходные рассуждения в [Саха 2009]) согласуется с фактами эволюции армянского языка.

Как известно, при переходе от древнеармянского к новоармянскому состоянию произошла радикальная перестройка системы склонения, с установлением полностью агглютинативного принципа выражения граммем числа и падежа (ср., например, краткий обзор этой проблематики в [Halle, Vaux 1998] и [Donabédian 2000]). Многие исследователи отмечали, что тенденции к агглютинации были свойственны и древнеармянскому языку, хотя и не проявлялись в нем отчетливо. Древнеармянская форма INSTR.PL занимала значительное место

¹⁰ Еще одним таким квазиагглютинативным фрагментом могут считаться формы аблатива личных местоимений 1 и 2 лица, где в качестве некумулятивного показателя множественного числа регулярно выступает элемент -j, четко отделимый от падежного показателя аблатива, ср. 1SG/PL.ABL: *in.ēn ~ m.ēn.j*, 2SG/PL.ABL: *k'.ēn ~ j.ēn.j*. О формах (указательных) местоимений 3 лица см. ниже.

в подобных рассуждениях: неоднократно указывалось (в том числе уже в [Meillet 1936: 65, 71]), что ее морфологическое устройство демонстрирует все признаки агглютинативности и находит параллели, кроме того, в некоторых других плюралных употреблениях показателя *-k'* вне субстантивной сферы — в частности, в форме Nom.Pl местоимения второго лица *duk'* ‘вы’ (ср. Nom.Sg *du* ‘ты’) и в окончании первого лица множественного числа презенса *-mk'* (при окончании первого лица единственного числа *-m*); тем самым, постулировалась тенденция к «агглютинативному поведению» морфемы *-k'* в качестве показателя множественного числа (подробнее см., например, [de Lamberterie 1979; 1993; Donabédian 2000: 37; Caha 2009: 91; Igartua 2015: 688—689] и др.). При этом с этимологической точки зрения появление *-k'* в составе формы Instr.Pl, по всей вероятности, следует считать аналогической инновацией: для более древнего состояния армянской системы склонения обычно постулируется омонимия показателей Instr.Sg и Instr.Pl (находящая параллели в греческом микенского периода и у Гомера, ср. [Godel 1975: 104; Clackson 1994: 68—74]; подробнее об этимологии показателя древнеармянского инструменталиса, с обширной литературой вопроса, см. [Matzinger 2005], специально в связи с греческими и индо-иранскими параллелями — также [Martirosyan 2013: 91]). Таким образом, для различения числовой омонимии в формах инструменталиса был использован «номинативный» показатель *-k'*, который, как уже упоминалось выше, в морфологическом отношении к тому моменту являлся ослабленной флексией с доминирующим значением числа, а не падежа (в связи с возможной интерпретацией номинатива как падежа с нулевым показателем во всей парадигме)¹¹.

Каковы бы ни были гипотезы о первоначальном состоянии протоармянской падежной системы, по отношению к тому ее состоянию, которое известно нам как классическое древнеармянское и фиксируется письменными памятниками начиная с V в., существенны три утверждения о форме Instr.Pl:

- (i) эта форма **членима**, т. е. безусловно не является флексией и состоит из морфологически различных показателей инструментального падежа и множественного числа;
- (ii) показатель множественного числа в этой форме полностью¹² совпадает с показателем Nom.Pl;
- (iii) показатель множественного числа в этой форме занимает линейную позицию **после** показателя падежа.

¹¹ Любопытно, что этимология и самого «номинативного» *-k'* далеко не бесспорна. Индоевропейцы с начала XX в. (вслед за Х. Педерсеном и М. Граммоном) обычно указывают в качестве наиболее вероятного источника общиндоевропейские плюралные окончания номинатива с исходом на *-s*, но это требует признать аномальное развитие спиранта в данной флексии (так называемое «усиление»), поскольку при регулярном развитии окончание должно было бы полностью исчезнуть ([Godel 1975: 102; de Lamberterie 1979; 1993; Clackson 1994: 71—72] и др.). Заслуживает внимания альтернативная гипотеза о собственно армянском источнике показателя *-k'* на более позднем этапе развития падежной системы — менее популярная в настоящее время, но в осторожной форме предложенная еще Мейе [Meillet 1936: 70]; ср. также сочувственное изложение соответствующей аргументации в [Clackson 1994: 71—74]. На наш взгляд, эта последняя гипотеза (предполагающая более позднюю грамматикализацию показателя *-k'* из некоторой энклитической частицы, исходно не связанной с падежными граммемами) лучше объясняла бы факт тождественного использования этого показателя в нескольких локусах словоизменительной парадигмы.

¹² Заслуживает внимания наблюдение Годеля, согласно которому морфонологические свойства плюралного элемента *-k'* в формах номинатива и инструменталиса могли различаться: если «номинативное» *-k'* всегда требовало вставки редуцированной гласной после согласной (в том числе и после [w]), то «инструментальное» *-k'* этой вставки не требовало; в [Godel 1975: 19] приводятся пары типа *nawk'* [nawəkʰ] ‘корабли, Nom.Pl’ и *aṛakawk'* [aṛakawkʰ] ‘притчами, Instr.Pl’; как можно видеть, только в форме инструменталиса сочетание *aw* перед согласной в среднеармянских рукописях монофтонгизировалось в [o]. Правда, реконструкция Годеля опирается на позднюю традицию книжного произношения грабара; каково было реальное произношение в V в., нам, разумеется, достоверно не известно.

Все эти три факта очень важны для общей теории морфологии и требуют некоторых комментариев.

III. Начнем с утверждения о членимости флексии INSTR.PL (и, как было показано ранее, вытекающего из него утверждения о потенциальной членимости других словоформ древнеармянской именной парадигмы). По сути, перед нами очень интересное явление, которое демонстрирует крайне редкое (согласно представлениям многих теоретиков — и вообще невозможное) движение «вспять» по шкале морфологизации (или аддитивно-фузионного континуума, ср. [Плунгян 2009: 70—71]), т. е. разрушение флексии и восстановление агглютинации в словоизменительной парадигме — «восстановление» в том смысле, что если считать всякую флексию продуктом эволюции агглютинативной морфологии, то речь идет, так сказать, о возвращении на предыдущую стадию. Разумеется, этот процесс не может происходить в буквальном смысле: агглютинативная морфология этапа S_1 , трансформируясь во флективную морфологию этапа S_2 , уже ни при каких обстоятельствах не может вернуться к тому же самому этапу S_1 . В этом отношении прошлое языка действительно необратимо (как и всякое прошлое). Но вот что оказывается в редких случаях все же возможным — это восстановление некоторых признаков агглютинативной морфологии в рамках состояния S_2 , при этом, конечно, речь идет о других признаках, чем те, которые присутствовали в состоянии S_1 . Тем не менее, сам по себе этот процесс частичного обратного движения заслуживает всяческого внимания. Можно предложить для его описания термин «декумуляция», понимая декумуляцию именно как (частичное) восстановление членимости флексий¹³. Недавно на это явление было обращено внимание в большой обзорной статье [Igartua 2015], где сделана попытка каталогизации всех подобных случаев в истории флективных систем (для их обозначения автор в основном пользуется термином «обратный морфологический цикл»); в число надежно засвидетельствованных примеров такого развития включен и армянский, с указанием на то, что уже в древнеармянской системе существовали «некоторые агглютинативные тенденции» [Igartua 2015: 688—689].

По своей природе декумуляция, очевидно, есть частный случай **переразложения** — попытки говорящих представить нечленимый морфологический элемент как (полностью или частично) членимый. Но если хрестоматийные примеры переразложения (типа русск. *вер-стак* или *зонтик*) обычно относятся к области адаптации заимствований, то декумуляция действует в области словоизменительной морфологии, казалось бы, наиболее консервативной (но ср. обзор различных случаев переразложения в области аффиксальной морфологии в [Haspelmath 1995]). Тем не менее, такого рода изменения не столь редки, как можно полагать. Диахронически неустойчивые системы, с обилием синкретизма и большим числом словоизменительных типов, являются для них благоприятной средой. В частности, стоит напомнить, что тенденция к декумуляции проявлялась и в диахроническом развитии парадигм склонения в славянских языках — это впервые отметил Р. О. Якобсон в известной статье 1958 г., а в дальнейшем для русского языка такие наблюдения были обобщены в блестящей — хотя и краткой — заметке А. А. Зализняка, напечатанной в юбилейном якобсоновском сборнике 1967 г. [Зализняк 1967/2002]. Если кратко суммировать выводы А. А. Зализняка в предложенных нами выше терминах, то они состоят в том, что в парадигмах множественного числа в современном русском языке имеет место достаточно заметная

¹³ Сходный по внутренней форме термин «*déflexi(vi)té*» был, как известно, в свое время предложен французским лингвистом Гюставом Гийомом, однако склонный к парадоксальным философским обобщениям Гийом вкладывал в свой термин гораздо более широкий смысл, понимая под ним всякий диахронический процесс разрушения флективности и появления на ее месте «нефлективных» элементов, т. е., прежде всего, аналитических конструкций (подробнее см., например, [Tollis 2010], где дается обзор взглядов Гийома в современном контексте). Аналогично, недавно ставший популярным в англоязычных работах термин «*deflection*» (ср., например, [Norde 2001] или [Enger 2013]) описывает, скорее, исчезновение флективной категории («деграмматикализацию»), чем ее изменение в плане выражения.

декумуляция (возникшая в результате исторической редукции типов склонения во множественном числе и, в частности, утраты во множественном числе противопоставления по морфологическому роду): так, в склонении прилагательных выделяется единообразный показатель множественного числа *-i-*, а в склонении существительных — такой же единообразный показатель множественного числа *-a-* (присутствие которого особенно заметно в парадигмах типа *город.á, город.á.м, город.á.ми, город.á.х*). Этот процесс, безусловно, сходен с тем, который происходил в древнеармянском склонении. Любопытно, что в русском языке в результате декумуляции формируется единый показатель множественного числа при сохранении падежной алломорфии в разных числах, тогда как в армянском декумуляция приводит, скорее, к появлению единых показателей падежей, но с сохранением алломорфии показателей множественного числа в разных падежных формах: типологически последнее кажется более необычным развитием.

Тем не менее, если в целом вторичная членимость форм склонения существительных в древнеармянском (достигшая максимума в форме INSTR.PL), при всей их необычности, как мы видим, не противоречит данным о закономерностях возможного развития флективных систем, то другая особенность формы INSTR.PL, а именно линейная позиция показателя числа **после** показателя падежа, является ярким нарушением известных в морфологической типологии фундаментальных принципов строения словоформы.

Действительно, каковы бы ни были исторические причины, приведшие к возникновению формы INSTR.PL, бросается в глаза ее крайне необычная линейная структура: четко выделяемый показатель инструментального падежа *-w/-b-* располагается перед столь же четко выделяемым показателем множественного числа (*-k'*). В засвидетельствованных в языках мира системах склонения такой линейный порядок, как кажется, почти никогда не встречается: повсеместно преобладает обратный порядок, где за показателем числа следует показатель падежа¹⁴. Так устроены все известные агглютинативные системы склонения (в том числе и современные армянские, как восточная, так и западная, ср. современные формы типа *ban.ov* ‘словом’, INSTR.SG ~ *ban.er.ov* ‘словами’, INSTR.PL). Иными словами, существующие в языках мира формы склонения обычно демонстрируют либо кумуляцию показателей падежа и числа, либо линейное предшествование показателя числа¹⁵ (заметим, что и в современной русской системе частичная декумуляция множественного числа приводит именно к такому результату).

Объяснение этому факту обычно дается в рамках так называемого «принципа релевантности», хорошо известного в лингвистике XX в., но обычно связываемого с циклом работ Джоан Байби 1980—1990-х гг. (см. прежде всего [Bybee 1985: 13—16, 33—36 et passim]; см. также [Плунгян 2009: 26—27] в связи с обсуждением «принципа возрастающей грамматичности»); согласно принципу релевантности, ближе к корню располагаются показатели тех грамматических значений, которые теснее связаны с (именной или глагольной) семантикой. Очевидным образом, семантика показателей числа в этом смысле «релевантнее», чем

¹⁴ Одним из немногих известных исключений являются данные австралийского языка кайтетье, или кайтить (пама-ньюнга > аранда), где «двойственное и множественное число, явным образом производшее из квантификаторов ‘два’ и ‘много’, следуют за (эргативным) падежным показателем, так что этот необычный порядок есть результат инновационного процесса грамматикализации категории числа» [Кирик 2003: 262—263], со ссылкой на Ф. Планка. Интересно, что аномальный порядок морфем обычно постулируется и для реконструируемой общеиндоевропейской формы ACC.PL (*-ns), где назальный показатель аккузатива предшествует показателю множественного числа.

¹⁵ На основании этого М. Халле и Б. Вокс [Halle, Vaux 1998] даже отказываются анализировать форму INSTR.PL как агглютинативную, т. е. содержащую отдельный показатель числа и падежа: не желая нарушать чистоту теории, они предпочитают говорить о показателе INSTR.PL как о флексии, но с явлением «множественной манифестации» числа (то, что в терминологии Халле называется «расщеплением» — *fission*). Заметим, однако, что даже этот весьма прихотливый формальный анализ не объясняет, почему флексия, являющаяся результатом «расщепления», демонстрирует именно такой линейный порядок элементов.

падежная. Однако объяснение в рамках принципа релевантности будет неполным, если не добавить к этому, что порядок аффиксов в словоформе обычно отражает порядок клитик внутри фонетического слова на стадии, предшествующей их морфологизации. При морфологизации падежных показателей мы обычно имеем дело с уже существующим морфологическим выражением числа; естественным образом, падежные клитики (предлоги или послелоги) в процессе морфологизации занимают более внешнюю позицию в словоформе. Это, разумеется, не противоречит принципу релевантности, но объясняет, почему он так редко нарушается. Все известные на сегодняшний день нарушения, как кажется, происходят из-за иного порядка грамматикализации, когда более «релевантное» значение оказывается выражено менее морфологизованным элементом, который не сразу удается включить в состав словоформы (и тем более — в семантически соответствующей ему позиции). Такие в диахроническом отношении «поздние гости» в составе словоформы и создают отклонения от шкалы релевантности — просто потому, что первоначальная морфологизация клитики возможна только в крайней внешней позиции, а все остальные позиции в словоформе заняты. В результате образуется неканоническая структура со смещенным внешним аффиксом — т. е. таким, который, занимая внешнюю позицию, с точки зрения принципа релевантности должен быть не внешним, а внутренним¹⁶.

В ходе языковой эволюции такие неканонические структуры часто подвергаются изменениям, при которых происходит перестановка аффиксов уже внутри словоформы. М. Хаспельмат, обобщив ряд таких случаев, предлагает говорить в связи с этими процессами об «экстернализации» словоизменительных показателей [Haspelmath 1993], восстанавливающей принцип релевантности. В этом смысле в ходе эволюции армянского языка также произошла «экстернализация» показателя творительного падежа (занимавшего в новоармянских языках «правильную» позицию после показателя числа), однако механизм этой экстернализации отличается от процесса, описанного Хаспельматом.

Хаспельмат полагает, что экстернализация «из-под» морфологизовавшейся клитики обычно происходит через стадию дублирования показателя; одним из центральных его примеров является склонение грузинских неопределенных местоимений, в которых вначале показатель падежа предшествовал показателю неопределенности, а потом экстернализовался (при этом засвидетельствованы и формы с двойным падежным маркированием). Так, формы дательного падежа местоимения *rame* ‘что-то’, образованного от местоимения *ra* ‘что’, существовали в трех моделях: первоначальной *ra.s.me*, дублирующей *ra.s.me.s* и, наконец, экстернализованной *ra.me.s*, где принцип релевантности восстановлен. Строго говоря, в истории армянского склонения происходила не такая экстернализация показателя инструменталиса, а, скорее, построение агглютинативной модели склонения заново: старая флективная система разрушилась, а на ее месте была создана новая система — с другим показателем множественного числа *-er/-ner* — и в рамках этой новой системы просто были использованы некоторые старые падежные показатели. Хорошо известно, что при этом в новую систему попадали падежные показатели из парадигмы как единственного, так и множественного числа: в частности, в одних новоармянских диалектах показателем аблатива является сингулярное по происхождению *-ē*, а в других (в том числе в литературном восточноармянском) — плюральное по происхождению *-ic*.

Правда, по крайней мере один случай дублирования показателей может быть указан и в древнеармянской системе: он имеет место в склонении указательных местоимений. Но это не совсем тот тип дублирования, который предусмотрен схемой Хаспельмата. Для наглядности приведем парадигму указательного и анафорического местоимения 3 лица *na* ‘тот, он’ (с этимологической основой *no-*); сходные явления есть и в других местоименных парадигмах:

¹⁶ Данное обстоятельство, вообще говоря, является дополнительным аргументом в пользу гипотезы Мейе о происхождении показателя множественности *-k* из клитики на собственно армянской почве (а не о его развитии непосредственно из индоевропейской флексии): структурные свойства *-k* типичны именно для клитики с поздней морфологизацией.

Таблица 2

	NOM	ACC	LOC	DAT	GEN	ABL	INSTR
SG	<i>na</i>		<i>nma</i>		<i>nora</i>	<i>nmanē</i>	<i>novaw</i>
PL	<i>nok'a</i>	<i>nosa</i>		<i>noc'a</i>		<i>noc'anē</i>	<i>nok'awk'</i>

В устройстве этой парадигмы много интересных с точки зрения морфологической теории особенностей: так, можно видеть в ее составе конечный формант *-a*, как правило, нарушающий принцип релевантности (он следует после показателей LOC-DAT.SG *-[u]m*, GEN.SG *-r*, NOM.PL *-k'*, ACC-LOC.PL *-s* и DAT-GEN.PL *-c'*). Экстернализация падежного показателя происходит в случае аблатива (образованного на основе датива по агглютинативной модели с помощью единого для обоих чисел показателя *-nē*) и — что особенно интересно — в случае инструменталиса, где в формах единственного числа как раз и наблюдается описанное Хаспельматом дублирование выносимого на периферию падежного показателя (*no.v.a.w* как промежуточная стадия вместо более архаичного **nova* и ожидаемого в конечном счете **naw*). Но удивительнее всего здесь, конечно (как и всегда!), форма INSTR.PL. В ней дублируется вовсе не показатель падежа (хотя именно он должен был бы подвергнуться экстернализации по правилу Хаспельмата, давая форму типа **nok'aw*), а показатель числа, давая форму *no.k'a.w.k'* (даже не **novawk'*, которую тоже можно было бы ожидать здесь). «Победа» именно этой парадоксальной формы свидетельствует, как можно полагать, о том, что (i) падежные формы множественного числа парадигматически сильнее связаны с другими формами множественного числа (ср. формально отражающую эту связь основу множественного числа), а не с формами того же падежа единственного числа и (ii) INSTR.PL во всех парадигмах содержит экстернализованный показатель множественности *-k'*, с необходимостью противопоставляющий его форме INSTR.SG. В этом фрагменте устройства древнеармянских парадигм проявляется, как кажется, то, что теоретики часто называют победой «локальной мотивации» над «глобальной» (см., например, [Enger 2013]).

Итак, подведем итоги. С точки зрения морфологической теории древнеармянская форма INSTR.PL — одно из наиболее парадоксальных явлений словоизменения. Но присутствие этой формы в древнеармянской системе в каком-то смысле закономерно: она находит мотивацию прежде всего в процессе **декумуляции** флективных парадигм склонения, связанном с общими процессами разрушения плана выражения падежной системы в древнеармянском (приводивших к таким результатам, как синкретизм, морфологическая несамостоятельность или слабая дифференцированность большинства падежных граммем, вторичные падежные аффиксы и др.). Декумуляция как общая тенденция, безусловно, предвосхитила позднейшее образование агглютинации в новоармянском склонении, и древнеармянскую форму INSTR.PL можно считать крайней точкой развития декумуляции. Другой особенностью этой формы является нарушение принципа релевантности в расположении показателей падежа и числа; в поисках объяснения этому факту полезно, на наш взгляд, пересмотреть традиционную идею индоевропейского происхождения флексии древнеармянского NOM.PL *-k'* и вернуться к менее популярной среди индоевропейцев гипотезе Мейе о более позднем происхождении этого показателя из морфологизованной клитики на собственно армянской почве. Такой диахронический сценарий позволил бы лучше объяснить не только структуру формы INSTR.PL, но и некоторые другие «странности» плюральной парадигмы в древнеармянском.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Беляев 2014 — Беляев О. И. Осетинский как язык с двухпадежной системой: групповая флексия и другие парадоксы падежного маркирования // Вопросы языкознания. 2014. № 6. С. 31—65.
[Belyaev O. I. Ossetic as a language with a two-case system: Suspended affixation and other paradoxes of case marking. *Voprosy jazykoznanija*. 2014. No. 6. Pp. 31—65.]

- Джаукян 1967 — Джаукян Г. Б. Очерки по истории дописменного периода армянского языка. Ереван: Изд-во АН, 1967. [Jahukyan G. B. *Ocherki po istorii dopis'mennogo perioda armyanskogo yazyka* [An outline of the history of pre-literate Old Armenian]. Erevan: The Academy of Sciences Publ., 1967.]
- Джаукян 1982 — Джаукян Г. Б. Сравнительная грамматика армянского языка. Ереван: Изд-во АН, 1982. [Jahukyan G. B. *Sravnitel'naya grammatika armyanskogo yazyka* [A comparative grammar of Armenian]. Erevan: The Academy of Sciences Publ., 1982.]
- Зализняк 1967/2002 — Зализняк А. А. О показателях множественного числа в русском склонении // Зализняк А. А. Русское именное словоизменение (с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию). М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 545—549. [Zaliznyak A. A. On plural markers in the Russian declension. Zaliznyak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie (s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiu)*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002. Pp. 545—549.]
- Зализняк 1973/2002 — Зализняк А. А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // Зализняк А. А. Русское именное словоизменение (с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию). М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 613—647. [Zaliznyak A. A. On the interpretation of the term «case» in linguistic descriptions. Zaliznyak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie (s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiu)*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002. Pp. 613—647.]
- Кибрик 2003 — Кибрик А. Е. Именное словоизменение в дагестанских языках с типологическими параллелями // Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб: Алетейя. С. 196—269. [Kibrik A. E. Noun inflection in the Dagestanian languages with typological parallels. Kibrik A. E. *Konstanty i peremennyye yazyka*. St. Petersburg Aleteiya. Pp. 196—269.]
- Крылов 1997/2002 — Крылов С. А. «Русское именное словоизменение» А. А. Зализняка 30 лет спустя: опыт ретроспективной рецензии с позиций неоструктуралистской морфологии // Зализняк А. А. Русское именное словоизменение (с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию). М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 699—748. [Krylov S. A. A. A. Zaliznyak's «Russkoe imennoe slovoizmenenie» 30 years later: An attempt of a retrospective review from the perspective of neostructuralist morphology. Zaliznyak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie (s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiu)*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002. Pp. 699—748.]
- Макаев 1967 — Макаев Э. А. Значение армянского языка для реконструкции общеевропейского состояния // Историко-филологический журнал. 1967. № 4. С. 75—90. [Makaev E. A. The importance of Armenian for the Proto-Indo-European reconstruction. *Istoriko-filologicheskii zhurnal*. 1967. No. 4. Pp. 75—90.]
- Плунгян 2009 — Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику. Изд. 3 (испр. и доп.). М.: Либроком, 2009. [Plungian V. A. *Obshchaya morfologiya: vvedenie v problematiku* [General morphology: Introduction to the problematics]. 3rd ed. (revised and enlarged). Moscow: Librokom, 2009.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: Grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introducing grammatical semantics: Grammatical values and grammatical systems in the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Семёнова 2010 — Семёнова Кс. П. Эволюция падежной системы древнеармянского языка: основные тенденции и проблемы описания. Дипломная работа. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2010. [Semionova X. P. *Evolutsiya padezhnoi sistemy drevnearmyanskogo yazyka: osnovnye tendentsii i problemy opisaniya. Diplomnaya rabota* [Evolution of the Classical Armenian case system: Main tendencies and problems of description. Graduate thesis]. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2010.]
- Туманян 1971 — Туманян Э. Г. Древнеармянский язык. М.: Наука, 1971. [Tumanyan E. G. *Drevnearmyanskii yazyk* [The Classical Armenian language]. Moscow: Nauka, 1971.]
- Якобсон 1958/1985 — Якобсон Р. О. Морфологические наблюдения над славянским склонением // Якобсон Р. О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 176—197. [Jakobson R. O. Morphological observations on the Slavic declension. Jakobson R. O. *Izbrannye raboty*. Moscow: Progress, 1985. Pp. 176—197.]
- Bybee 1985 — Bybee J. *Morphology: A study of the relation between meaning and form*. Amsterdam: John Benjamins, 1985.
- Caha 2009 — Caha P. Classical Armenian declension. *Nordlyd*. 2009. Vol. 36. (Special issue on Nanosyntax.) Pp. 77—112.

- Clackson 1994 — Clackson J. *The linguistic relationship between Armenian and Greek*. Oxford: Blackwell, 1994.
- Clackson 2008 — Clackson J. Classical Armenian. *The ancient languages of Asia Minor*. Roger D. Woodard (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press. Pp. 124—143.
- Donabédian 2000 — Donabédian A. De l'arménien classique à l'arménien moderne: typologie, ordre des mots et contact linguistique. *Cahiers de linguistique de l'INALCO*. 2000. No. 3. Pp. 34—54.
- Enger 2013 — Enger H.-O. Morphological theory and grammaticalisation: The role of meaning and local generalisations. *Language Sciences*. 2013. Vol. 36. Pp. 18—31.
- Godel 1975 — Godel R. *An introduction to the study of classical Armenian*. Wiesbaden: Reichert, 1975.
- Halle, Vaux 1998 — Halle M., Vaux B. Theoretical aspects of Indo-European nominal morphology: The nominal declensions of Latin and Armenian. *Mír Curad: Studies in honor of Calvert Watkins*. Jasanoff J., Melchert H. C., Olivier L. (eds.). Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft, 1998. S. 223—240.
- Haspelmath 1993 — Haspelmath M. The diachronic externalization of inflection. *Linguistics*. 1993. Vol. 31. Pp. 279—309.
- Haspelmath 1995 — Haspelmath M. The growth of affixes in morphological reanalysis. *Yearbook of Morphology 1994*. Booij G., van Marle J. (eds.). Dordrecht: Kluwer, 1995. Pp. 1—29.
- Igartua 2015 — Igartua I. From cumulative to separative exponence in inflection: Reversing the morphological cycle. *Language*. 2015. Vol. 91. Pp. 676—722.
- Kortlandt 1984/2003 — Kortlandt F. Proto-Armenian case endings. *Armeniaca: Comparative notes*. Kortlandt F. Ann Arbor: Caravan Books, 2003. Pp. 45—51.
- Kortlandt 2010 — Kortlandt F. An outline of Proto-Indo-European. *Studies in Germanic, Indo-European and Indo-Uralic*. Kortlandt F. Amsterdam: Rodopi, 2010. Pp. 37—45.
- Kulikov 2012 — Kulikov L. I. The Proto-Indo-European case system and its reflexes in a diachronic typological perspective: Evidence for the linguistic prehistory of Eurasia. *Rivista degli Studi Orientali*. 2012. Vol. 84. Pp. 289—309.
- de Lamberterie 1979 — de Lamberterie Ch. Le signe du pluriel en arménien classique. *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. 1979. Vol. 74. Pp. 319—332.
- de Lamberterie 1992 — de Lamberterie Ch. Introduction à l'arménien classique. *LALIES*. 1992. Vol. 10. Pp. 234—289.
- de Lamberterie 1993 — de Lamberterie Ch. Le pluriel en arménien classique. *Faits de langues*. 1993. No. 2. Pp. 161—167.
- de Lamberterie 2005 — de Lamberterie Ch. Le verbe arménien *unim/kalay*. *Indogermanica — Festschrift Gert Klingenschmitt: Indische, iranische und indogermanische Studien dem verehrten Jubilar dargebracht zu seinem fünfundsechzigsten Geburtstag*. Schweiger G. (Hrsg.). Tübingen (Riekofen): Schweiger VWT, 2005. S. 333—358.
- Martirosyan 2013 — Martirosyan H. 2013. The place of Armenian in the Indo-European language family: The relationship with Greek and Indo-Iranian. *Journal of language relationship/Вопросы языкового родства*. Vol. 10. Pp. 85—137.
- Matzinger 2005 — Matzinger J. *Untersuchungen zum altarmenischen Nomen: die Flexion des Substantivs*. Dettelbach: Röhl, 2005.
- Meillet 1936 — Meillet A. *Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique*. 2me éd. Wien: Mechitharisten, 1936.
- Norde 2001 — Norde M. Deflexion as a counterdirectional factor in grammatical change. *Language Sciences*. 2001. Vol. 23. Pp. 231—264.
- Olsen 1999 — Olsen B. A. *The noun in Biblical Armenian: Origin and word-formation — with special emphasis on the Indo-European heritage*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999.
- Schmidt 1987 — Schmidt K. H. The Indo-European background of the Classical Armenian noun declension. *Annual of Armenian linguistics*. 1987. Vol. 8. Pp. 35—47.
- Tollis 2010 — Tollis F. La déflexivité romane et la personne dans les écrits publiés de Gustave Guillaume (domaine nominal). *Langages*. 2010. Vol. 178. No. 2. Pp. 21—42.

Статья поступила в редакцию 16.02.2016.